

В нелучшем совсем состоянье своем
Я ехал к Белову в родительский дом.

Он сам торопился, Василий Белов,
Под свой деревенский единственный кров.

И гнал свой «уазик»
с ухваткой крестьянской
Сначала — по гладкой, а дальше — по тряской.

Везли мы с собой не гостинцы, а хлеб...
И ехали с нами Володя и Глеб.

Володя, в свой край нараспашку влюбленный,
И Глеб, присмиревший, с душой затаеной...

В начале пути нам попалась столовка,
Где жалко себя и за друга неловко.

Каких-то печальных откушали щей
И двинулись дальше дорогой своей...

И вот предо мною
зеленый простор
Величье свое бесконечно прости.

Стояли леса, как недвижные рати,
В закатном застывшим северном злате.

Сияли поля далеко и прозрачно...
Но было душе неуютно и мрачно.

Бескрайние эти великие дали
Мне душу безмолвьем своим угнетали.

Я видел, как дол расстился за долом,
Какой-то сплошной тишиной заколдован.

И реки пустынные — Кубена... Сить...
Здесь некому вроде и рыбу ловить.

Среди их привольно катящихся волн
Хоть чья бы лодчонка,
хоть чей-нибудь челн!..

Густела в полях вечереющих мгла,
И странные нам попадались дома.

Они величаво из мглы возникали,
Как будто их ставили здесь великаны.

Наверное, ставили их на века —
Такая во всем ощущалась рука.

Такое надежное крешице бревен...
Но облик их был и печален, и темен.

Ни света из окон, ни дыма из труб,
Безмолвен был каждый покинутый сруб.

И мрачно они средь полей возвышались.
Куда же хозяева их подевались?!

Но каждый об этом угрюмо молчит...
И молча мы едем в глубокой ночи...

Но вот наконец нас хозяин привез
В деревню свою под сиянием звезд.

2

По-черному топится баня Белова,
Но пахнет березово, дышит сосново.

На вид она, может быть, и неказиста,
Зато в ней светло, и уютно, и чисто.

Когда в ее недрах всколышется жар,
Она обретает целительный дар.

Она забирает и тело, и душу,
Все недуги их извлекает наружу.

Любую усталось, любой твой кошмар
Вбирает в себя обжигающий пар.

И, весь разомлев,
ты паришь невесомо,
Забыв, что творится и в мире, и дома.

И с пышущей полки встаешь, обнажен,
Как будто бы заново в мире рожден.

Как будто бы весь начинаешься снова...
По-черному топится баня Белова.

3

И светлая
взору предстала деревня,
Живая деревня в краю этом древнем.

Из сказки забытой, казалось, возник
Ее отуманенный временем лик.

Темнели на избах высоких узоры,
И окна синели, как жителей взоры.

Распахнутый миру —
входи на порог! —
Под небом пустынным жилой островок.

Казалось, один он остался на свете
Затем лишь,
чтоб путника в мире приветить.

Хоть много чего сохранить не смогла,
Но душу деревня еще сберегла.

Наверно, вовеки она не иссякнет,
Раз вынесла столько погибели всякой.

Наверно, вовеки она не исчезнет,
Раз столько еще и добра в ней, и чести.

Раз детская чья-то головка одна
С таким любопытством глядит из окна.

Раз может еще
так
глазами сиять
Анфиса Ивановна, Васина мать...

И сразу просторы исполнились смысла,
И небо над нами иначе нависло,

И дали, что с новой встречаются далью,
Уже не дышали такою печалью.

Все сделалось радостней, стало прочней —
Земля при деревне,
и небо при ней!

И мир не казался уже сиротою
Со всей необъятной своей широтою.

К деревне ведет и тропа, и дорога.
Еще так богата земля,
и так много

И сил, и красы у земли этой древней...
Доколе лежать ей, как спящей царевне,

Доколе копить ей в полях своих грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!

Пора возродить ее силу на свете —
Так пели и травы, и листья, и ветер.

Так думало поле, и речка, и лес,
И даль, что смыкается с далью небес.

Так думал, наверно, Василий Белов,
Что вел нас по отчemu краю без слов.

Пора! —
это Времени слышно веленье —
Увидеть деревне свое возрожденье.

А все, что в душе и в судьбе наболело —
Привычное дело,
привычное дело.